
СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-269-281
УДК 821.161.1

«Стихов российских механизм» в контексте исторической поэтики

© 2019, С.И. Николаев

Аннотация: Статья представляет собой развернутый комментарий к выражению «стихов российских механизм», использованному А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине». С опорой на исследования предшественников (В.С. Бавеского, С.И. Панова) автор статьи обозначает генезис и семантику этого выражения в контексте исторической поэтики. Выявляется область его применения в русской литературе начала XIX в. — к лирическому и драматическому произведению. В качестве одного из первых примеров, где появляется такое выражение, приводится стихотворение Евфимия Чудовского (XVII в.). Отмечается, что в западноевропейской традиции именно к этому времени относится формирование метафоры часов как модели устройства мира, а затем и Бога как великого часовщика. На основании рассмотренных текстов Евфимия Чудовского и Симеона Полоцкого делается вывод о том, что произведения московских книжников могут быть вписаны в контекст общеевропейских дискуссий данного периода. Античные источники рассматриваемой метафоры обозначаются на материале переводов-переложений, выполненных А. Кантемиром и В. Третьяковским. В заключение автор статьи связывает формирование и развитие метафоры творчества как «механизма» со сложным процессом складывания нового типа авторского самосознания в русской литературе XVII–XVIII вв. В литературной культуре Нового времени писатель уже по собственному усмотрению располагает слова, создавая произведение как сложный словесный механизм, работа которого зависит только от изобретательности автора.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», метафора, авторское самосознание

Информация об авторе: Сергей Иванович Николаев, д.ф.н., академик РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Цитирование: Николаев С.И. «Стихов российских механизм» в контексте исторической поэтики // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 269–281. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-269-281

Словосочетание «стихов российских механизмов» из «Евгения Онегина» (VIII, 38) только в конце XX в. привлекло внимание комментаторов. В 1987 г. В.С. Баевский указал, что Пушкин мог встретить сочетание «механизм стихов» в одном из примечаний А.Х. Востокова к переводам из Горация¹. Некоторое время спустя С.И. Панов в специальной статье привел много примеров употребления словосочетания «механизм стихов/стихотворства» у русских авторов конца XVIII — начала XIX в., которые не оставляют сомнений в том, что это был распространенный стиховедческий термин. Особенно показательно и говорит само за себя приведенное Пановым название учебной книги Н.И. Язвицкого «Механизм, или Стопосложение русского стихотворства, изданный для воспитанников Санкт-Петербургской губернской гимназии» (1810)².

Стиховедческое значение словосочетания «механизм стихов» не вызывает сомнений. Но почему именно «механизм», в разных оттенках своего значения зафиксированный в словарях начала XIX в., спокойно и даже естественно сочетается с «поэзией» в эпоху предромантизма и романтизма? Недаром ведь В.С. Баевский назвал это словосочетание «новаторской» метафорой, «странной на первый взгляд». В известной и исключительно богатой наблюдениями работе «Пушкин и наука его времени» (1956, 1972) М.П. Алексеев на огромном материале продемонстрировал пытливые внимание русских писателей первой трети XIX в. к проблемам науки, в том числе и к механике³. Эти проблемы и сама «механическая» терминология проникали и в литературные произведения. М.П. Алексеев приводит фрагмент из «Театрального разъезда» Н.В. Гоголя, в котором один из «любителей искусств» уподобляет театральную пьесу сложному по своему устройству механизму и утверждает, что «течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело... И в машине одни колеса заметней и сильнее движутся; их можно только назвать главными; но правят пьесой идея, мысль»⁴. Таким образом, понятие «механизм/машина» может быть приложимо как к поэзии, так

¹ См.: Баевский В.С., Листов В.С., Вишневецкий А.А. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 111–113. Ср.: Баевский В.С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М., 2011. С. 259–262.

² См.: Панов С.И. Из истории русской стиховедческой терминологии конца XVIII — первой трети XIX века («механизм стихов» и «изменения») // *Quinquagenario Alexandri P'ušini oblata*. М., 1990. С. 13–16.

³ См.: Алексеев М.П. Пушкин и наука его времени // Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 22–173.

⁴ Там же. С. 109–110.

и к драматическому произведению. Но впервые такие сравнения и метафоры появились в русской литературе даже не в XVIII, а еще в XVII в.

У Евфимия Чудовского одно небольшое стихотворение, написанное, видимо, в 1680-е гг., начинается так:

Зри, человече, на сей орологий,
умудришися паче феологий.

Надо признать, что это довольно необычное заявление для монаха, который ставит часы (точнее, часовой механизм) выше теологии по воздействию на человеческий разум. Но это такое барочное *admirabile* — желание удивить и поразить читателя. Далее в стихотворении речь идет о мирской суете и тщетности жизни человеческой:

Како часами жизнь определяет,
 месяцы днями время скончивает.
Дние и лета скоро мимо текут,
 юна отрока ко старости влекут.
В старости дряхлость и расслабление,
 вся крепости и сил лишение.
По сем лютая зла смерть восхищает
 и, яко траву, косою ссекает;
Богатство, славу прах быти вменяет,
 злато и серебро калу предавает.
Аще хочещи муж быти блаженный,
 помни всегда день и час совершенный,
Смерть, ад, геенну во уме содержи
 и вся суеты от себе отвержи,
Горня Сиона буди подражатель,
 и всех прелестей умный презиратель,
Да возможещи премирно пожити,
 в горних жилищах на веки почити⁵.

В «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого в цикл «Вера» входит небольшое стихотворение, в котором речь уже прямо идет о часовом механизме:

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18: XVII век. СПб., 2014. С. 296. Здесь и далее произведения XVII–XVIII вв. цитируются в модернизированной орфографии.

Во часех зубец един аще отломиши,
 всех колес течение тако удержиши.
 Подобне в вере аще един член растрится,
 вся, яко часы, вера унепотребится.
 Тем же собори ничто велят отъимати
 от состав веры, точне ничто прилагати⁶.

Первое, что приходит в голову при размышлении о часах в поэзии XVII в., — эта тема связана с брэнностью и суебой жизни человеческой. И это предположение вполне справедливо — в XVIII в. будут появляться похожие стихотворения. Так, А.П. Сумароков в 1759 г. опубликовал в своем журнале «Трудолюбивая пчела» небольшое стихотворение «Часы»:

Суетен будешь
 Ты, человек,
 Если забудешь
 Краткий свой век.
 Время проходит,
 Время летит,
 Время проводит
 Всё, что ни льстит.
 Счастье, забава,
 Светлость корон,
 Пышность и слава —
 Всё только сон.
 Как ударяет
 Колокол час,
 Он повторяет
 Звоном сей глас:
 «Смертный, будь ниже
 В жизни ты сей;
 Стал ты поближе
 К смерти своей!»⁷

Затем он дал стихотворению другое название — «На суету человека». Корреляция «часы — суета человеческой жизни» вполне

⁶ *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 1: “Aaron” — “Dĕtem blagoslovenie” / Ed. Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. With a Foreword by Dmitriĭ S. Lichačev. Köln; Weimar, Wien, 1996. S. 193.

⁷ *Сумароков А.П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 83. Ср.: *Алексеева Н.Ю.* Стихотворение А.П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 78–89.

ожидаема. Эта тема будет постоянно присутствовать в тренической поэзии XVIII в., достаточно назвать «На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.

Но в XVII в. именно тема *memento mori* была скорее второстепенной в силлабической поэзии. У Евфимия орологий появляется при упоминании теологии, а у Симеона — при разговоре о вере. И для того есть свои резоны.

Часы издавна были известны на Руси, а в XVII в. их число значительно умножилось⁸. Однако до Евфимия и Симеона никаких текстов, связанных с часами и суетой человеческой жизни, не было. Напомню, что XVII век в Европе — это не только эпоха барокко, это век возникновения науки нового времени и технической революции⁹. Из многочисленных механизмов часовой занял важнейшее место и среди аргументов в философских рассуждениях. Как раз в XVII в. развивается и закрепляется метафора часов как модели устройства мира, а затем и Бога как великого часовщика; часы стали метафорой, одинаково важной и для богословия, и для становящейся науки. Астрономические часы в то время показывали не только время, они отражали движение солнца, луны, других небесных тел и указывали дни религиозных праздников. Распространяется представление о круговом движении планет, схожем с движением шестеренок в часах. Примеров тому много, так, Декарт писал, что понимание устройства вселенной сравнимо с пониманием устройства часов¹⁰. А Роберт Бойль, физик, химик и философ, выступая против схоластов, говорил: «Разница между их мнением о присутствии Бога в мире и тем, что предложу я, в общих чертах может быть такова: они представляют мир наподобие куклы, чье создание искусственно, и при этом почти каждое конкретное ее движение вызывается мастером, <...> тогда как, на наш взгляд, мир подобен редким часам, какие можно увидеть в Страсбурге и в которых все детали так искусно задуманы, что машина, будучи один раз приведена в движение, вы-

⁸ См.: Мельникова О.Н. Из истории часов в России. XVII — начало XX века. М., 2016.

⁹ См.: Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / Пер. с англ. М., 2018.

¹⁰ См.: Там же. С. 390.

полняет все действия согласно первоначальному замыслу мастера»¹¹. Все эти идеи отразились и в научно-популярной литературе XVII в. В «Рассуждении о множественности миров» (1686) Фонтенеля есть диалог, в котором автор объясняет маркизе устройство мироздания. Привожу его в переводе А. Кантемира 1730 г.: «Потому, — сказала маркиза, — философия уже механическа стала? — Так механическа, — отвечивал я, — что опасаяся, чтоб нам скоро от того стыда не было. Верят ныне, что весь мир таков есть в своем величестве, каковы часы в своей малости, и что всё в нем делается чрез движение некое уставленное, которое зависит от порядочного учреждения частей его. Скажи правду, не думала ли ты когда нечто превосходнейшее о мире сем и не воздавала ли ты ему почтения, какого он не достоин? А я видел таких, которые, как его узнали, не столько стали почитать его. — А я напротив, — отвечивала она, — много больше его почитаю, как узнала, что он часам подобен; удивительно бо есть, что чин натуры, будучи столь дивен, а основан на так простых вещах!»¹² Автор хвалит ее и подчеркивает, что в мире нет ничего, что нельзя было бы объяснить механическими причинами.

Фонтенеля, скорее всего, в Москве тогда еще не читали, но отзвуки европейских философских и богословских споров эпохи механической философии доходили, очевидно, и до Москвы, хотя бы вместе с теми же самыми часами и мастерами часовых дел. Кстати, часы на Спасской башне выглядели совсем не так, как сегодня, что известно нам по рисунку барона Мейерберга 1661–1662 гг.¹³

Представляется, что стихотворения Симеона и Евфимия подтверждают предположение, что в кругах московских книжников какие-то отзвуки европейских дискуссий были на слуху. Справедливо считается, что оба монаха придерживались разных взглядов на развитие русской культуры, в том числе литературы, и были яркими литературными противниками, а на выход «Обеда душевного» Симеона Полоцкого Евфимий откликнулся двумя злыми, но остроумными эпиграммами. Тем более примечательно их схожее отношение к часовому механизму и включение обоими орология в стихи.

Сравнения с часовым механизмом не ограничивались философией и богословием, они входят и в другие сферы как образец идеального устройства. Так, в 1698 г. генерал Адам Вейде поднес царю Петру составленный им воинский устав, в посвящении которому

¹¹ Там же. С. 395.

¹² Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избр. переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 406.

¹³ См.: Симонов Р.А., Хромов О.Р. «Часы на кругу» — наиболее раннее точно датированное 1663 годом листовое издание Московского Печатного Двора // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 19–34.

писал: «Безскупные труды х каждому делу, еже намерен исполняти, потребны суть во всяких трудах, тако ж попечение и разумное надзирание перьвоначально к воинскому делу требуется, еже аки часы чрез удобное сложение и исправное движение колес и цепи, со всем принадлежащим к тому, при порядочном беге содержитсяся»¹⁴. В 1716 г. Лейбниц писал Петру об устройстве коллегий: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если всё устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы. Но как по различию часов, одни требуют большего, другие меньшего количества колес, так бывают различны и государства, а потому никак нельзя установить для всех определенного числа коллегий»¹⁵.

Всё изложенное, пусть кратко и в самых общих чертах, дает, как кажется, контекст или фон для понимания еще одного употребления метафоры часового механизма (орология) у Симена Полоцкого, на этот раз чисто литературного. В 1681 г. был издан, уже посмертно, сборник его проповедей «Обед душевный», заверченный в 1675 г. В заключение обширного предисловия Симеон переходит к традиционной авторской топике (*captatio benevolentiae*): «Аще же что обрящется во книзе сей или за недоумение неисправно, или забвением оставлено, молю прилежно прощению тобою худости моей дароваться, яко несмы ангел, сия писавый, но человек плотию тлению, умом невежеству, памятию забвению подлежащ». Далее Симеон опять вполне традиционно просит читателя: «Ты, аще мудростию от Бога украшен еси, исправи любезно, нетщеславно, еже исправлению достойно». Далее идет оговорка: «Аще же не учился еси, не буди ти дерзати, иже ихже не веси, та хулити и исправляти, да не како благая растлиши во исправления место». А затем идет интересующее нас сравнение: «В писании словеса, яко во орологии колеса чинно составляются, има же обема невежда дерзновенно прикасайся, вред творит. Не дерзаеши орология исправляти вещественнаго, много паче да не прикоснешися писанию духовному, внемже по числу словес (да не реку писмен) таинства многа суть, не комуждо известна»¹⁶.

¹⁴ Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде, в 1698 году. СПб., 1841. С. 7.

¹⁵ Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 197.

¹⁶ Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Л. 9 об.–10.

Замечательный по своей редкости пример авторского представления о текстопорождении: структура текста проповеди сравнивается с часовым механизмом. Сразу возникает вопрос, особенно важный для XVII в.: кто является часовым мастером? Ответ очевиден: сам Симеон Полоцкий и никто другой. И никто другой не может вторгаться в исключительно сложный механизм текста, прикасаться не только к словам, но даже к буквам — в этом случае механизм текста будет безнадежно испорчен («Во часех зубец един аще отломиши, / всех колес течение тако удержжиши»). Не музы продиктовали (как будет у Ломоносова или Державина), не «Бог сподобил» (как у древнерусского книжника), а сам своим самосмышлением автор создает сложнейший механизм текста.

Можно полагать, что Симеон был очарован метафорой, связанной с часовым механизмом, для XVII в. действительно новаторской, причем очарован настолько, что невольно попал в логическую ловушку, которую сам же и выстроил. Итак, Симеон настаивает, что его текст должен быть статичен и неизменен, но часовой механизм является таковым только будучи приведен в движение, иначе он становится просто набором закрепленных между собой шестеренок, т.е. перестает быть собственно часами. Сравнение с часовым механизмом замечательно подходит для рассуждений о движении небесных тел, о взаимодействии армейских подразделений или государственных учреждений и проч. А вот сравнение с проповедью выглядит менее удачно.

В предисловии к «Обеду душевному» Симеон Полоцкий печатно зафиксировал еще один этап в формировании авторского самосознания в эпоху перехода от древнерусской книжности к литературе Нового времени. Итак, автор сам создает свое произведение. Создает из чего? Из слов и букв. Роль букв в истории мировой литературы всегда была велика, в том числе они имели и сакральное значение. Здесь обратимся к младшему современнику Симеона — французскому богослову и писателю Ф. Фенелону. В 1712 г. он издал богословско-философский «Трактат о Существовании Бога» (*Traité de l'Existence de Dieu*, 1712). Этот трактат стал источником большей части философского трактата А. Кантемира, получившего в науке название «Письма о природе и человеке» (1742–1743)¹⁷. Фенелон отрицает роль случая в создании гениального произведения. Вот как переводит это место Кантемир: «Напрасно, вымышляя, ищут представить искусство в том, что нечаянность должна была так сделать.

¹⁷ См.: *Grasshoff H.* Kantemir und Fénelon // *Zeitschrift für Slawistik*. 1958. Bd. 3, H. 2–4. S. 369–383.

Один приклад все сие изъяснить может. Положим в бесконечное число совокупных литеров, которые един по единому нечаянностью собрались и можно сказать, что Илиада творение нечаянности единой; всякий, кто в ней искусство находить будет и придавать Гомеру, ошибется. Сия совокупность литер рано или поздно должна была прийти в свой порядок и составить Илиаду, действительно пришла и составила так, что человек никакого не употреблял искусства; сие доказательство толь смешно и слабо, что всякий смеяться должен»¹⁸.

Это же место перевел и В.К. Третьяковский в своей поэме «Феоптия», которая является стихотворным переложением того же трактата Фенелона¹⁹. Третьяковский также согласен с аргументами Фенелона и даже дополняет его²⁰:

Всяк, едва на твари с примечанием воззрит,
То творцом премудрым разум свой и озарит.
Если ж кто б сказал ему: сделайте припадок,
Вдруг покажется такой сам и глуп, и гадок.
Кто когда поверит, что Гомеровы стихи,
Кои в «Илиаде», глупости где нет крохи,
Не великим счинены смыслом стихотворца,
Украшений и высот многих толь приборца?
Кто поверить может, что припадок всех букв смесь
В тот привел порядок и союз составил весь?
А прибрав слова к словам и сцепив стопами,
Громогласнейшими толь так воспел стихами?
Пусть в «Энеиде» счислил кто-нибудь все буквы сам,
Сколько ж *a*, *b*, прочих, будет всех и *z*-тов там;
Пусть наделает себе столько ж всех их точно
И в одну смешает их кучку все нарочно.
Пусть потом он кинет совокупно всех из рук,
Чтоб ему «Энейду» сочинить броском тем вдруг.
Верно, что не ляжет враз та «Энейда» прямо.
Пусть же мечет много крат, пусть всю жизнь упрямо:
Не укинёт трудник и ни первых всех стишков,
Не укинёт токмо и ли маленьких клочков.
А однак припадок тут есть совсем возможный:
Мы в Виргилии уж чем тех букв ряд неложный.
Без ума быть должно, если так то утверждать

¹⁸ Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избр. переводы. Т. 2. С. 86.

¹⁹ См.: Лебедев Е.Н. Философская поэзия В.К. Третьяковского // Русская литература. 1976. № 2. С. 94–104.

²⁰ См.: Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 93–94. Тут же приведен и французский оригинал этого фрагмента.

И состав стиховный случаю то отдавать.
 Цицерон «Летописей» Энниевых только
 Об одном стишке сказал, не о всех в них столько,
 Что не мог припадок сочинить там и того,
 А не стихотворства совершенного всего²¹.

У Кантемира и Тредиаковского, разумеется, нет никаких сомнений, что именно автор, и только он, распоряжается буквами и располагает их по своему замыслу. Случай («нечаянность» или «припадок») не играет никакой роли. Дополняя Фенелона, Тредиаковский упоминает Виргилия, Цицерона и Энния. Соседство двух последних позволяет предположить, что Тредиаковский переложил здесь следующий фрагмент из трактата Цицерона «О природе богов»: «Не понимаю, почему бы человеку <...> не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну буквы, а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся “Анналы” Энния, так что их можно будет тут же и прочесть. Вряд ли по случайности может таким образом получиться даже одна строка»²². Неожиданно скептицизм Фенелона обретает поддержку античного философа, у которого он, вероятно, этот аргумент и позаимствовал. Таким образом, «механическая философия», еще вполне актуальная в половине XVIII в., получает классическую подкладку²³.

Десакрализации писательского ремесла способствовало не только следование философским течениям XVII–XVIII вв.²⁴, но и обыкновенная ирония. Это продемонстрировал Н.П. Осипов в своем переводе «Приключений барона Мюнхгаузена» (1797), которому он предпослал «Посвящение тридцати двум азбучным Буквам»: «Вам, сильным, удивительным, отменным, преползным и пагубным чадам человеческого остроумия, посвящается небольшое сие маранье, содержащее в себе совершеннейшую правду, совокупно с самою несбыточною ложью. Без вашей помощи, никакая истинна изобразиться не может. Равным образом и всякая ложь вам обязана своим, если не рождением, то по крайней мере существованием. Вы производите великие дела на земном нашем шаре; руководствуете разумом и рассудком; служите твердою подпорою и неразрушаемым хранилищем нашей памяти; показываете нам очевидно всё то, что

²¹ Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 203.

²² Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 131.

²³ См.: Вуттон Д. Изобретение науки. С. 394–396.

²⁴ Ср.: Abrams M.H. The Mirror and the Lamp. New York, 1958. P. 159–167 (глава “The Mechanical Theory of Literary Invention”).

происходило за несколько дюжин веков до нашего рождения; утверждаете и укрепляете мир и тишину людскую; производите вражды, несогласия и ссоры; основываете, восстанавливаете, содержите, низвергаете и разрушаете многие владения и государства; вами предписываются положительные законы честности и добродетели; от вас также проистекают неисчетные источники пороков, развратов и злодеяний; вы исправляете и развращаете наши нравы; вами также составилась и сия книга, почему вам она и посвящается, яко первой и самонужнейшей причине своего существования»²⁵.

Теперь, в литературной культуре Нового времени, именно писатель придает значение буквам, по собственному разумению располагает слова, создавая свое произведение как сложный словесный механизм, работа которого зависит только от изобретательности автора. Изменение авторской топики и ее обновление — процесс непрерывный и благотворный. Несомненно, что самый сложный этап становления нового авторского самосознания в русской литературе пришелся на рубеж XVII–XVIII вв.²⁶, но он продолжался и весь XVIII в. Точно так же менялось и представление о природе и статусе авторского текста. Можно полагать, что определенную роль в этом процессе сыграла и невидимая на первый взгляд связь между «словесами, яко во орологии колеса» и «стихов российских механизмом», в которой отразились изменения философской картины мира XVII–XVIII вв.

Литература

Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984. 478 с.

Алексеева Н.Ю. Стихотворение А.П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 78–89.

Баевский В.С., Листов В.С., Вишневский А.А. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л.: Наука, 1987. С. 111–113.

Баевский В.С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М.: Языки славянской культуры, 2011. 737 с.

Веселова А.Ю. Концепция «истинной лжи» Н.П. Осипова // XVIII век. Сб. 23. СПб.: Наука, 2004. С. 183–193.

²⁵ [Осипов Н.П.]. Не люблю, не слушай, а лгать не мешай. Напечатано съизнова, с прибавками и в лицах. Ч. 1. Изд. 4. СПб., 1811 [посвящение на нenum. страницах]. Ср.: *Веселова А.Ю.* Концепция «истинной лжи» Н.П. Осипова // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 183–193.

²⁶ См.: *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 162–182.

Лебедев Е.Н. Философская поэзия В.К. Тредиаковского // Русская литература. 1976. № 2. С. 94–104.

Мельникова О.Н. Из истории часов в России. XVII — начало XX века. М.: Государственный исторический музей, 2016. 272 с.

Панов С.И. Из истории русской стиховедческой терминологии конца XVIII — первой трети XIX века («механизм стихов» и «изменения») // *Quinquagenario Alexandri Il'ušini oblata*. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1990. С. 13–16.

Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 203 с.

Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 327 с.

Симонов Р.А., Хромов О.Р. «Часы на кругу» — наиболее раннее точно датированное 1663 годом листовое издание Московского Печатного Двора // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2006. № 3 (25). С. 19–34.

Grasshoff H. Kantemir und Fénelon // *Zeitschrift für Slawistik*. 1958. Bd. 3, H. 2–4. S. 369–383.

References

Alekseev M.P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia* [Pushkin. Comparative historical research]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 478 p. (In Russ.)

Alekseeva N.Iu. Stikhotvorenie A.P. Sumarokova “Na suetu cheloveka” [A.P. Sumarokov’s poem “On man’s vanity”]. *Dar druzhestva i muz: Sbornik statei v chest' N.D. Kochetkovo* [A gift of friendship and muses: A collection of essays in honor of N.D. Kochetkova]. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkeho Publ., 2018, pp. 78–89. (In Russ.)

Baevskii V.S., Listov V.S., Vishnevskii A.A. Iz kommentariia k “Evgeniiu Oneginu” [From the commentary to “Eugene Onegin”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin Commission chronicle], iss. 21. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 111–113. (In Russ.)

Baevskii V.S. *Pushkinsko-pasternakovskaia kul'turnaia paradigma* [Pushkin-Pasternak cultural paradigm]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2011. 737 p. (In Russ.)

Lebedev E.N. Filososfskaia poeziiia V.K. Trediakovskogo [Philosophical poetry of V.K. Trediakovsky]. *Russkaia literatura*, 1976, no. 2, pp. 94–104. (In Russ.)

Mel'nikova O.N. *Iz istorii chasov v Rossii. XVII — nachalo XX veka* [From the history of clock in Russia. 17th — the early 20th century]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2016. 272 p. (In Russ.)

Panchenko A.M. *Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter’s reforms]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 203 p. (In Russ.)

Panov S.I. Iz istorii russkoi stikhovedcheskoi terminologii kontsa XVIII — pervoi treti XIX veka (“mekhanizm stikhov” i “izmeneniia”) [From the history of Russian poetic terminology of the late 18th — first third of the 19th century (“The mechanism of poems” and “changes”). *Quinquagenario Alexandri Il'ušini oblata*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1990, pp. 13–16. (In Russ.)

Serman I.Z. *Literaturnoe delo Karamzina* [Literary work of Karamzin]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2005. 327 p. (In Russ.)

Simonov R.A., Khromov O.R. “Chasy na krugu” — naibolee rannee tochno datiruemoje 1663 godom listovoe izdanie Moskovskogo Pечатnogo Dvora [“The Clock in a Circle” — the earliest sheet edition of the Moscow Printing House accurately dated 1663]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, 2006, no. 3 (25), pp. 19–34. (In Russ.)

Veselova A.Iu. Kontsepsiia “istinnoi lzhi” N.P. Osipova [N.P. Osipov’s concept of “true lies”]. *XVIII vek* [18th century], iss. 23. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 183–193. (In Russ.)

“Russian poetry mechanism” in the context of historical poetics

© 2019, Sergey Nikolaev

Abstract: The article is a detailed commentary on the expression “Russian poetry mechanism” used by A.S. Pushkin in “Eugene Onegin”. Basing on works of predecessors (V.S. Baevsky, S.I. Panov), the author denotes the genesis and semantics of this expression in the context of historical poetics. The field of its application in Russian literature of the early 19th century — lyrical and dramatic work — is revealed. As one of the first examples where the expression appears, a poem by Euthymius Chudovsky (17th century) is given. The formation of the metaphor of a clock as a model of the world’s structure, and then of God as a great watchmaker, in the Western European tradition is dated by this period. On the basis of texts by Euthymius Chudovsky and Simeon Polotsky, it is concluded that works of Moscow scribes can be included in the context of pan-European discussions of this period. Antique sources of the metaphor in question are indicated on the material of translations-transcriptions by A. Kantemir and V. Trediakovsky. In conclusion, the author connects the formation and development of the metaphor of creativity as a “mechanism” with a complex process of developing a new type of author’s identity in Russian literature of the 17th–18th centuries. In the literary culture of the New Age, the writer arranges the words at his own discretion, creating the work as a complex verbal mechanism, the work of which depends only on the inventiveness of the author.

Keywords: Alexander Pushkin, “Eugene Onegin”, metaphor, author’s identity

Information about the author: Sergey Nikolaev, Dr Hab, Member of the RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Citation: Nikolaev Sergey. “Russian poetry mechanism” in the context of historical poetics. *Literaturnyi fakt*, 2019, no 4 (14), pp. 269–281. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-269-281